

— С чего им быть ядовитыми? — возмутился Ма Лоу. — Я их только что в лесу нарвал!

— Ага, — парировал Тан Кайци, — в прошлый раз ты тоже что-то нарвал, так у тебя потом губы распухли, как у коровы. Кто тебя знает, что ты на этот раз приволок.

С этими словами он выудил из своей сумки несколько крупных яблок, сполоснул их в тазу и положил в руки Чжун Маню:

— Ешь вот эти, покупные. Эти точно безопасные.

Затем, словно хвастаясь трофеями, он начал выкладывать покупки на стол.

— И груши есть, сладкие-пресладкие!

— Килограмм ребрышек взял, вечером потушу тебе.

— А еще на рынке дед один подержанный радиоприемник продавал, вроде крепкий, я и его купил. Будешь дома слушать, чтоб не скучать.

Услышав про ребрышки, Ма Лоу так и засиял:

— Брат Кайци, а можно я у вас поужинаю?

— Проваливай, на тебя не рассчитано! — буркнул Кайци.

Ма Лоу вцепился в его рукав:

— Ну брат Кайци, ну Кайци-гэ-э-э...

Кайци в шутку пихнул его ногой:

— Тьфу на тебя! Иди ребрышки мой!

— Есть, сделаю!

Чжун Мань улыбнулся, грызя яблоко и нащупывая приемник. Тан Кайци накрыл его пальцы своей мозолистой ладонью, показывая, где кнопка включения, а где настройка громкости...

Чжун Мань внимательно слушал, и под привычный говор Кайци его сердце, колотившееся от

тревоги полдня, наконец пришло в норму.

В маленьком огороде Кайци созрели бобы и огурцы — свежие, прямо с грядки.

На завтрак — вареные бобы и салат из огурцов. На обед — жареные бобы и огурцы с соусом. На ужин — бобы в кунжутной пасте и огурцы с чесноком.

Каждый день, в каждый прием пищи. Чжун Мань начал потихоньку сдавать позиции.

Тан Кайци заметил, что гость стал есть меньше, и понял: приелось.

«Эх, изнеженный молодой господин, — подумал он, — такие продукты переводить».

Чжун Мань уже неплохо ориентировался во дворе. Если раньше в туалет его водил Кайци, то теперь он справлялся сам, используя палку вместо трости.

Но на пути к уборной его подстерегала единственная оставшаяся в живых опасность — большой белый гусь.

Стоило птице подкараулить момент, как она бросалась щипать Чжун Маня. Тот отбивался палкой, но гусь тактично заходил с флангов. В итоге Кайци пришлось поймать агрессора за шею и отшвырнуть подальше.

— Почему он тебя вечно щиплет? — спросил Тан Кайци.

— Потому что мы с ним мало знакомы, — ответил Чжун Мань.

Кайци задумчиво потер подбородок и решил, что в этом есть логика.

В тот же вечер он поставил на стол котелок с тушеным гусем:

— Ну вот, теперь вы достаточно знакомы.

Чжун Мань опешил, не зная, смеяться или плакать.

Кайци положил ему кусок мяса:

— Да шучу я. Вижу просто, что тебе огурцы с бобами уже поперек горла стоят, вот и решил сменить рацион.

Чжун Мань нерешительно попробовал кусочек. На его лице читалась целая гамма чувств: от жалости к птице до восторга от вкуса.

Без кудахтанья и гогота во дворе стало заметно тише. Остались только верный пес, кошка Мими да Дахуан — бык, который в основном молча трудился на полях.

Больше не опасаясь гусиных атак, Чжун Мань стал проводить на улице больше времени.

Несколько лет назад Тан Дэлун посадил во дворе павловнию, и теперь она раскинула густую крону. Кайци поставил в тени пару стульев и столик, где Чжун Мань любил сидеть, слушая радио и попивая чай.

Однажды, когда он пытался поймать волну с выступлениями юмористов, пришел Ма Цзэци, вернувшийся на каникулы. В руках он нес сумку с баклажанами и помидорами.

— Брат Кайци, это сестра передала. Спасибо, что выручил нас тогда.

Он имел в виду случай на реке, когда Те Шуаньцзы чуть не обидел их во время ловли рыбы. Если бы не вмешательство Чжун Маня и Тан Кайци, дело могло кончиться плохо.

Кайци принял овощи:

— Пустяки, мы же соседи. Помогать друг другу — дело естественное. погоди, я тебе сейчас бобов насыплю с собой.

Ма Цзэци побледнел и замахал руками:

— Нет-нет, брат Кайци, бабуля тоже бобов насадила, девать некуда, честное слово!

Чжун Мань не сдержал смеха:

— Неужели летом здесь в каждом доме только бобы и едят?

— Почти, — вздохнул Ма Цзэци.

Кайци предложил ему присесть, но парень отказался:

— Не могу, надо уроки делать. Кстати... брат Кайци, а брат Кайцэ скоро вернется?

— Пока не было, но должен скоро.

Решив, что Цзэци снова хочет вернуть какие-нибудь конспекты, Кайци добавил:

— Книги его можешь себе оставить, ему на стройке кирпичи таскать они не пригодятся.

— А-а... — Ма Цзэци выглядел разочарованным. Помявшись, он ушел.

Чжун Мань спросил:

— Брат Кайцэ дружен с этим пареньком?

Если память ему не изменяла, при каждой встрече этот ребенок первым делом спрашивал про старшего брата Кайци, словно у него было к нему какое-то важное дело.

Кайци, грызя огурец, ответил:

— Да не особо. Просто из одной деревни, брат ему с уроками помогал.

— Понятно. Послушай, — вдруг вспомнил Чжун Мань, — твое детское прозвище — Эргоудань. А у твоего брата какое? Дагоудань?

— Нет, — Кайци, казалось, едва сдерживал смешок.

Чжун Мань заинтригованно подался вперед:

— Ну и какое же?

— Не скажу.

— Да ладно тебе, Тан Кайци, расскажи. Почему я никогда не слышал, чтобы родители называли брата Кайцэ по прозвищу? — Чжун Мань подпер подбородок рукой. Хотя его взгляд и был расфокусирован, он всё равно был направлен в сторону собеседника.

— Да не то чтобы я вредничаю, просто нельзя. Если я разболтаю, брат меня убьет.

— Я ему не скажу, что это ты проговорился.

Кайци задумался:

— Ну... ладно. Только чур — никому! Брат давно запретил себя так называть.

— Обещаю.

Тан Кайци прошептал три слова прямо на ухо Чжун Маню, и тот мгновенно выплюнул чай от смеха.

— Ха-ха-ха-ха!

— Не смейся! Батя говорил, что дурацкое имя судьбу бережет!

В это же время на дороге в пяти километрах от деревни Гадань медленно затормозила новенькая Toyota Crown.

— Молодой господин Тан, почти приехали, — доложил водитель.

Мужчина на заднем сиденье поднял голову. У него были резкие черты лица, глубоко посаженные глаза, холодные и темные, как нефрит. Он был внешне похож на Тан Кайци, но выглядел куда взрослее и солиднее.

Это и был Тан Кайцэ.

Он бросил взгляд на знакомый пейзаж за окном, отложил документы и коротко бросил:

— Одежду.

Водитель тут же подал заранее приготовленный сверток и вышел из машины подождать.

Тан Кайцэ со вздохом посмотрел на наряд, снял дорогой костюм и переоделся в пожелтевшую дешевую футболку, поношенные брюки с заплатой и старые матерчатые туфли.

Выйдя из машины, он поправил неудобный пояс. Брюки на его длинных ногах выглядели коротковатыми. — Ну как?

Водитель оценил критическим взглядом:

— Молодой господин Тан, всё еще слишком много благородства во взгляде.

— И что делать?

— Прощу прощения, — водитель шагнул вперед и решительно взлохматил его безупречно уложенные волосы, затем пнул пыль на его туфли и, наконец, достал из багажника полосатый

баул.

— Вот теперь, — удовлетворенно кивнул водитель, — вылитый работяга, вернувшийся с заработков.

— Ладно, я пошел, — вздохнул Кайцэ.

— Молодой господин Тан, — крикнул вслед водитель, — помните наказ старого господина: не светите богатством, особенно перед братом!

Кайцэ лишь махнул рукой, не оборачиваясь.

У входа в деревню он поздоровался со стариками, отдохавшими под деревом:

— Здорово, дедули, бабули! Отдыхаете?

Старушка беззубо заулыбалась:

— Ой, отдыхаем. Дагоудя вернулся?

Тан Кайцэ едва заметно дернул щекой:

— Ага.

<http://bllate.org/book/18973/1864241>